

О.И. Грабарь

ОТ ШИЛЛЕРА ДО БРУСТВЕРА

Ольга Грабарь

От Шиллера до бруствера

«Товарищество научных изданий КМК»

2015

Грабарь О. И.

От Шиллера до бруствера / О. И. Грабарь — «Товарищество научных изданий КМК», 2015

ISBN 978-5-9906564-2-0

Книга написана Ольгой Игоревной Грабарь (дочкой знаменитого отечественного художника и общественного деятеля И. Э. Грабаря) по мотивам и на основе личных впечатлений довоенного и военного времени. О. И. Грабарь прошла Отечественную войну переводчиком, непосредственно принимала участие в боевых действиях. Книга – интереснейший документ эпохи!

ISBN 978-5-9906564-2-0

© Грабарь О. И., 2015
© Товарищество научных изданий
КМК, 2015

Содержание

Часть 1	6
Пятницкая	6
Кудринская	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

О. И. Грабарь

От Шиллера до бруствера

© Грабарь О. И., текст, 2015.

© ООО «КМК», 2015.

* * *

Часть 1

Пятницкая

Алеша Крылов появился на свет в Москве 22 мая 1922 года, в доме номер два, что на Пятницкой улице. Двухэтажный каменный дом этот принадлежал до революции купцам первой гильдии и владельцам ткацкой фабрики братьям Звягиным, один из которых приходился Алеше дедом по материнской линии.

После конфискации большевиками частных владений обширное семейство Звягиных кое-как разместилось на верхнем этаже своего бывшего дома. Избежать дальнейших гонений за нетрудовую деятельность Звягиным помог нарком просвещения Луначарский, покровительствовавший Алешину отцу – художнику и реставратору Павлу Крылову, женатому на старшей дочери Звягина, Варваре. Благодаря Луначарскому, Крылов заручился справкой за подписью жены Троцкого, Натальи Седовой. В справке было указано, что «товарищ Крылов принадлежит к интеллигентному пролетариату, а посему может хранить у себя мебель, книги, одежду и украшения, не подлежащие реквизиции».

Справка оказалась весьма кстати. Несмотря на то, что семья ютилась в тесных комнатах одной единственной квартиры, посягательства на жилплощадь предпринимались неоднократно. Время от времени в доме появлялась некрасивая, коренастая женщина в кожаной куртке и стучала по столу маузером. Она все время чего-то требовала и угрожала, но каждый раз уходила ни с чем – выручала магическая справка. Фамилия женщины была Землячка. Рассказывали, что во время гражданской войны она собственноручно расстреливала пленных белогвардейских офицеров. Впоследствии именем этой отважной женщины был назван один из переулков, примыкающих к Пятницкой улице.

Однажды в квартире появился некто Лившиц с ордером на вселение, за подписью бравого наркомвоенмора Клим Ворошилова. Это была серьезная атака – пришлось пойти на уступку и отдать Лившицу ванную комнату. С тех пор Звягины мылись дома в тазах и корытах, но квартиру удалось отстоять.

* * *

Впоследствии Алеша так и не мог понять, откуда возник миф о бескорыстии и неприязнательности первых народных комиссаров. Сразу же после конфискации имущества Звягиных в нем поселился известный большевик и революционер Амель Енукидзе, проживавший там вместе с примой-балериной Большого театра Любовью Банк. Позднее двухэтажный дом был надстроен и в нем поселился Всесоюзный староста – «дедушка» Калинин, вместе с балериной Ильющенко.

В Москве наркомы предпочитали жить в особняках. Как правило, они выглядели упитанными и довольными жизнью, их френчи были сшиты из хорошего материала и пригнаны по фигуре. Наркомовские семьи ни в чем не нуждались, получали специальный продуктовый паек, а одежду покупали в закрытых распределителях. Встречались, конечно, среди большевиков отдельные чудачки, помешанные на всемирном братстве угнетенных и нищих. Они ходили в стоптанных сапогах и подпоясанных косоворотках, но их было немного, и они не пользовались влиянием. Впоследствии их именами были названы второстепенные московские улицы.

* * *

Считалось, что у Алеши слабое здоровье. В этом родителей сумел убедить домашний доктор, Отто Юльевич Крениг, добродушный немец с брюшком. Сняв просторный пиджак, он оставался в старомодном жилете, поверх которого сверкала цепочка от карманных часов. Вынув часы, Отто Юльевич долго проверял пульс поочередно у всех домашних, включая бабушек и няню, кивал головой, расспрашивал о самочувствии, настроении и аппетите. Иногда затрагивались животрепещущие события: премьера в Большом театре, приезд в Москву какой-нибудь знаменитости, внезапная перемена погоды и тому подобное. Визит Кренига обычно длился не менее двух часов. Перед уходом он в мягкой форме давал родителям одни и те же рекомендации: не переутомляться, не волноваться и больше гулять. У Алеши Отто Юльевич нашел общий авитаминоз на фоне малокровия и прописал ему железосодержащие пилюли «Blaudi», рыбий жир и сырую телячью печенку. Возненавидев это лечение, Алеша стал потихоньку скармливать печенку коту, а рыбий жир приспособился быстро заглатывать, заедая его черным хлебом с солью.

Во избежание еще какого-нибудь диагноза, Алеша старался, по возможности, не попадаться взрослым на глаза. В этом ему немало помогло появление на свет младшего брата Темы. Теперь внимание окружающих полностью переключилось на вечно орущего Тему. Алешу отводили утром в дошкольную немецкую группу, и только в конце дня забирали домой. Алеше нравилось ходить в группу, и он быстро научился болтать по-немецки. Обладая хорошей памятью, он легко запоминал стихи.

По вечерам у Крыловых часто собирались гости. Их принимали с неизменными хлебо-сольством и радушием, унаследованными Варварой от своих предков-купцов. Алеша также участвовал в приемах гостей. Перед тем, как приступить к застолью, на него надевали бархатную курточку с кружевным воротничком и расчесывали локоны. Стоя на стуле, Алеша, к умилению гостей и гордости Крыловых, читал по-немецки вслух целые строфы из романтических стихотворений Шиллера, Мюллера и Уланда. Алеша тяготился этими спектаклями, ему хотелось поскорее соскочить со стула и убежать к себе. Однажды он простудился, у него поднялся сильный жар, и локоны пришлось срезать. Коротко остриженный, похудевший и вытянувшийся после болезни, он выглядел теперь нелепо в бархатной курточке с кружевным воротничком. Спектакли пришлось прекратить. Больше Алешу никто не просил читать гостям стихи и, казалось бы, он должен был радоваться, что его оставили в покое. Но почему-то он чувствовал, что с ним поступили несправедливо. Вообще к поведению взрослых Алеша стал относиться скептически, обнаружив, что они запрещают детям делать то, что легко позволяют себе сами.

– Отчего баба Лиза все время сморкается и плачет? – спрашивал он мать.

– У нее была тяжелая жизнь.

– Она поднимала тяжести?

– Не болтай вздор! И вообще это дурной тон – обсуждать поступки других людей.

– Но вы же с тетей Маней обсуждаете!

– Кого?

– Нонну Романовну.

Нонна Романовна, полная, пышногрудая дама, была женой известного реставратора – маленького, сухонького старичка, Ивана Филипповича.

– Она на нем просто верхом ездит! – негодовала Мария.

– Да, – вторила ей сестра. – Так он долго не протянет.

– Ты подслушивал? – строго спросила Алешу мать.

– Нет, вы же громко разговаривали.

– Почему тебя это заинтересовало?

– Жалко стало Ивана Филипповича – такую толстую тетку на себе возить!

– Ну, и сын у меня растет – смысленый! Беги, обезьяна, занимайся своим делом. – Варвара громко рассмеялась.

Алеше нравился ее смех. У матери были красивые, ярко-рыжие волосы и ослепительной белизны зубы. К сожалению, в последнее время смеялась она редко, а между бровей пролегла складка.

«Наверное, это оттого, что я задаю ей глупые вопросы», – решил Алеша и переключился на няню, пожилую, приглуховатую женщину.

– Почему баба Саша заикается? – спросил он однажды няню, когда та укладывала его спать.

– Ее, деточка, бык забодал.

– Больно было?

– Не больно, а страшно.

– А потом?

– Потом она стала заикаться. Да спи ты, наконец! Много будешь знать – скоро состаришься.

* * *

Умные вопросы Алеша приберегал для матери. Если бы его спросили, почему он не задает их отцу, он бы очень удивился. Такое ему и в голову не могло прийти. Отец был от него бесконечно далеко, почти в другом измерении.

«Не шуми, папа работает», «папа занят», «папу нельзя беспокоить», – кажется, это были первые слова, которые Алеша услышал от взрослых. А вопросы его одолевали нешуточные и, хотя он рано начал читать, в книжках не находил на них ответа.

– Мама, будет ли когда-нибудь еще один такой же «я»?

– При жизни?

– Нет, после смерти.

– Ну, есть поверье о переселении душ.

– Расскажи!

– Почему ты спрашиваешь?

– Не хочется, чтобы меня больше не было.

Затаив дыхание, Алеша слушал рассказ матери о реинкарнации. В другой раз зашел разговор о планетах.

– Мама, а что находится за пределами земли?

– Атмосфера.

– А за ней?

– Безвоздушное пространство.

– А что дальше?

– Забор!

– А что за забором?

Не находя ответа, Варвара начинала сердиться и однажды крикнула в сердцах:

– Шел бы ты с глаз моих долой!

Алеша заметил, что в последнее время мать стала все чаще раздражаться по любому поводу. Как-то раз, не рассчитав силы, он толкнул младшего брата, и тот полетел на пол, потянув за собой скатерть с остатками завтрака.

– Урод какой-то у меня растет! – обрушилась мать на Алешу. – Ничего хорошего в жизни не сделал!

Алеше стало обидно, и он возразил:

– А какая жизнь-то – семь лет!
Больше умных вопросов он матери не задавал.

* * *

Алеша исправно посещал немецкую группу. Ему исполнилось семь лет, когда группа распалась, но в школу принимали только с восьми. Кому-то из взрослых пришла в голову странная мысль отдать его в подготовительный класс балетного училища при Большом театре, куда принимали семилетних.

– Пусть походит в училище, чтобы не болтался, – решили на семейном совете.

К счастью для Алеши, из этой затеи ничего не вышло.

– Ваш мальчик не годится для балета, – сказали матери. – У него птичья грудь.

– Что это такое?

– Ничего страшного, но ему нужно развивать грудную клетку, регулярно делать дыхательную гимнастику. Можем рекомендовать хорошего специалиста.

Алеша с удовольствием начал заниматься спортом. Молодой, веселый тренер Мурат не только помог ему наладить дыхание, но и обучил некоторым приемам борьбы и рукопашного боя, пригодившимся Алеше впоследствии.

Кудринская

Незаметно подкравшийся тысяча девятьсот тридцатый год принес с собой много перемен. Один за другим ушли из жизни все представители старшего поколения Звягиных. Сначала похоронили престарелого дедушку. Не стало вечно плачущей бабы Лизы и пугливой бабы Саши. К этому времени в стране была свернута новая экономическая политика, или НЭП, когда полки ломились от товаров. Продукты можно было покупать теперь только по карточкам. Появилась категория «лишенцев» – лиц, лишенных избирательных прав и права на труд, а, следовательно, и на карточки. Крылову удалось кое-как устроить на службу в музейный отдел Наркомпроса жену и ее сестру, но их брат Василий так и остался до конца своих дней лишенцем.

Вскоре тучи сгустились и над самим Крыловым, возглавлявшим Центральные государственные реставрационные мастерские. Кто-то пустил слух, что под видом реставрации иконописи в мастерских готовится реставрация монархического строя. В результате мастерские были закрыты, многие реставраторы оказались в ссылке, а некоторые и вовсе сгинули. Благодаря поддержке Луначарского, Крылову удалось уцелеть, но он лишился всех служебных постов. Семья была вынуждена покинуть дом на Пятницкой и переехать в менее комфортабельную, но зато более просторную квартиру в не существующем ныне Кудринском переулке. Там Крылов оборудовал себе мастерскую, где мог писать портреты на заказ. Теперь это был единственный источник доходов, позволявший содержать семью.

Крылов тонко нащупал уязвимое место людей, достигших определенного общественного положения – желание быть увековеченными. Заказы не заставили себя ждать.

Основными заказчиками являлись известные артисты, политические деятели и академики. Академики пользовались в то время всеобщим уважением. Это были люди преклонного возраста. Многие из них передвигались, опираясь на трость с набалдашником, и, как правило, отличались немногословием. Их благородные седины обычно увенчивала черная «академическая» шапочка.

Во время сеансов Крылов старался «разговорить» академика. Он считал необходимым поддерживать беседу, чтобы у модели, по его выражению, «лицо не каменело». Иногда возникали казусы. Один престарелый вдовствующий академик неожиданно признался, что пламенно влюблен в молодую воспитательницу своих внуков и собирается предложить ей руку и сердце. Крылов, не терпевший подобных излишней, с трудом поддерживал беседу. «Сболтнул лишнего старик!», – сказал он недовольно по окончании работы над портретом. Между тем, академик вскоре действительно женился на воспитательнице и, мало того, стал отцом двух очаровательных малышей.

Рассказывают, что во время его прогулок с детьми возле дома молодая мать высовывалась из окна и кричала: «Дети, не уроните папу!». Впоследствии счастливый академик заказал Крылову еще один свой портрет и, по свидетельству современников, оба вышли на редкость удачными. Если с академиками и артистами все шло более или менее гладко, то с политиками происходили постоянные конфузы. В стране началась политическая борьба. Едва Крылов успевал сделать с кого-нибудь набросок, как того объявляли врагом народа. Приходилось срочно замазывать холст. Однажды Крылов ухитрился приделать на уже готовом портрете одному опальному политику бороду, сделав его лицо неузнаваемым.

В убранстве мастерской также произошли перемены. Неожиданно исчез красивый беккеровский рояль, доставшийся Варваре по наследству от дедушки Звягина, а его место занял кургузый стол с каким-то странным сооружением, напоминающим обломок автомобиля.

– Это телеграф времен революции, – пояснил домочадцам Крылов. – Он мне нужен для большой тематической картины. Рояль только место занимает, – добавил он, обращаясь к рас-

строенной Варваре. – Ты уже давно перестала музицировать, а у наших мальчишек все равно нет слуха.

Вскоре в мастерскую привезли раскрашенные гипсовые бюстики Ленина и еще много разных необычных предметов.

* * *

Переезд в Кудринский переулок ознаменовал собой новый этап в жизни Алеша. Прежде всего, у них с братом появилась, наконец, своя детская комната, где Алеша чувствовал себя хозяином и мог размещать игрушки и книги по своему усмотрению. Младший брат Тема беспрекословно ему повиновался. Самым замечательным в детской был огромный плетеный ковер, покрывавший почти всю поверхность пола. По коврику можно было ползать и валяться на нем, без всяких нареканий со стороны взрослых, сооружать дома из кубиков, книг и всего, что попадалось под руку, играть в зоопарк и войну. Постоянным участником игр был соседский мальчик Вадик Лебедев, с которым Алеша познакомился у частной преподавательницы немецкого языка Анны Францевны. На ее уроках всегда можно было узнать что-то новое из немецкой истории, мифологии и литературы, и интерес к ним у мальчиков не ослабевал. Иногда Алеша порывался обсудить с Вадиком что-либо из услышанного, но тот отличался замкнутым характером и втянуть его в разговор не удавалось.

Между тем, Алеше очень не хватало доверительного общения с каким-нибудь ровесником. Его двоюродный брат-однолеток Антон, сын дяди Василия Звягина, для этого совершенно не годился. По сравнению с Вадиком, он был настоящим живчиком, но ни на чем не мог сосредоточиться. Задав вопрос, он сразу же перескакивал на другую тему. Учился он неважно, зато проявлял необычайную практическую сметку.

– Что ты будешь делать с картинами, когда твой папа умрет? – спросил он однажды у Алеша.

– Не знаю, не думал об этом, – ответил озадаченный Алеша.

Антон посмотрел на него с нескрываемым сожалением.

– Школу оканчивать собираешься? – задал он следующий вопрос и, не дожидаясь ответа, заявил:

– Лично я буду учиться только до седьмого класса.

– А потом?

– Потом поступлю в какой-нибудь техникум, куда конкурса нет.

– Зачем?

– Чтобы где-нибудь числиться. Заниматься я собираюсь совсем другим делом.

– Каким?

– Пока это секрет!

* * *

В отличие от занятий с Анной Францевной, школьные уроки оставляли Алешу равнодушным. В то время учебная программа строилась на принципах педологии – новомодной науке о первостепенной роли социальных факторов в формировании детского сознания. Часть уроков, с воспитательной целью, была заменена на экскурсии в трудовые коллективы, проще говоря, на ближайшую деревообделочную фабрику. Там школьники постарше быстро научили Алешу воровать деревянные поделки, которые можно было потом поменять на папиросы.

Обработка детского сознания проводилась и на уроках литературы, где ученикам рассказывали о пламенных борцах против угнетения трудящихся. Лучшим на эту тему было признано сочинение упитанного мальчика Бори Гохмана, сумевшего не только вспомнить имена

сразу трех главных героев в нашей истории, но даже назвать их по имени-отчеству: Степан Тимофеевич, Емельян Иванович и Владимир Ильич.

* * *

Обычно после обеда Алешу и Тему отправляли гулять во двор. Алеша не любил эти прогулки, но ему полагалось опекать Тему. Двор был большой и унылый. Причиной тому служил, скорее всего, примыкавший к нему изолятор для дефективных детей, размещавшийся в бывшем кадетском училище. Изредка «ненормальцев», как их называли окружающие, выпускали во двор в сопровождении сотрудников изолятора, но в основном они пребывали взаперти. Тем не менее, их существование придавало всему двору мрачный колорит. Местные ребята ненормальцев задирали.

Однажды во время прогулки к Алеше подошел рыжеволосый парнишка по кличке Сенька «Хлыст».

– Ты ненормалец? – грозно спросил Сенька.

– Нет, я нормалец, – в тон ему ответил Алеша, приготовившись к драке. Оценив крепкое телосложение Алеши, Сенька увильнул в сторону.

– Кто у тебя отец? – спросил он.

– Художник.

– Вот видишь, а у меня – рабочий! – торжествующе воскликнул Сенька, обозначив тем самым свое социальное превосходство.

Алеша тяготился прогулками во дворе и был рад, когда Тема пошел в детский сад. Теперь он мог спокойно бродить в одиночестве по окрестным переулкам, а однажды, подкопив денег, выдаваемых ему на школьные завтраки, проехал на трамвае по Новинскому бульвару до самого Парка культуры, где побывал на «чертовом» колесе и объелся мороженым. За обедом его стошнило.

– Бездельник! – громогласно заявил отец.

* * *

Решив, что Алеша недостаточно загружен в школе, родители вновь вознамерились обучать его танцам. Благодаря старым связям, им удалось пристроить Алешу в частный танцевальный кружок, занятия которого проходили по субботам в особняке наркома просвещения Бубнова, сменившего на этом посту Луначарского.

Руководила кружком бывшая балерина Большого театра. После обязательных ритмических упражнений дети разучивали под звуки фортепиано балльные танцы: польку, вальс, полонез, падеграс. В центре внимания всегда оказывалась единственная дочь наркома Лена, которую домашние звали Буба, по созвучию с фамилией отца. Буба была нормальной, здоровой девочкой, но, когда ей что-то не нравилось, она позволяла себе надувать губы и фыркать. Трудно удержаться от фыркания, если к тебе относятся, как к маленькой принцессе.

Танцам обучались, в основном, девочки. Кроме Алеши, кружок посещали еще два мальчика – Ника и Вася. Дети были разновозрастные: Ника лишь недавно начал ходить в школу, а у Васи уже пробивались усики. Вася вел себя независимо и к остальным ученикам относился с легким презрением. Алеша заметил, что каждый раз во время разучивания нового танца он старается стать в пару с Бубой, но ему это редко удавалось. Руководительница кружка строго следила за тем, чтобы партнеры по танцам чередовались. На занятиях неизменно присутствовала бабушка Бубы – властная старуха, молча сидевшая в глубоком кресле. Иногда в зале появлялась мама – красивая брюнетка с прядью седых волос у виска, а однажды промелькнул и сам нарком в элегантном френче цвета хаки.

Все это благоденствие закончилось к середине тридцатых годов, когда нарком был снят с должности, и особняк пришлось освободить. Еще через некоторое время нарком был арестован и расстрелян, его жена отправлена в ссылку, а повзрослевшая принцесса стала дочерью врага народа. В доме Крыловых об участии Алеша в злополучном танцевальном кружке предпочитали не вспоминать.

* * *

В середине тридцатых годов Москва буквально бредила кинофильмом «Чапаев». На улицах выстраивались огромные очереди, и никакие капризы погоды не могли остановить людей. Не остался в стороне и Крылов. Однажды, отложив все дела и забрав с собой сыновей, он отправился штурмовать на морозе кинотеатр «Художественный». Попытка оказалась удачной и, хотя места были плохие, это не имело значения. Зал жил одним дыханием. Каждая сцена вызывала у зрителей замирание, либо восторг, а когда Чапаев ринулся в плавь, спасаясь от пуль, все повскакали с мест и, размахивая головными уборами, громко завопили: «Давай, давай!».

Теперь Чапаев стал главным героем детских игр у Крыловых. Мальчики выстраивали на плетеном ковре боевые порядки, как в знаменитой сцене с картошкой, или поднимали игрушечных солдат в «психическую» атаку. Алеша, и прежде не любивший прогулки во дворе, теперь вообще перестал туда выходить, а карманные деньги тратил исключительно на покупку билетов в кинотеатр «Палас», где «Чапаева» крутили с утра до вечера в течение целого года.

Узнав об этих развлечениях, Крылов окончательно вышел из себя.

– Всему есть предел! – взревел он, рассекая ладонью воздух. – У Алексея слишком много свободного времени. Нужно перевести его в нормальную школу, с традициями, чтобы привык к дисциплине.

– Такой школы поблизости нет, – возразила Варвара.

– Еще бы, – пожал плечами Крылов. – Ее и не может быть в этой бандитской Пресне. Пусть ездит в центр на трамвае, ничего страшного!

Варвара вздохнула. Она знала, что ездить на трамвае далеко не безопасно. В часы пик люди гроздьями висели на подножках переполненных вагонов, цепляясь за поручни, и в любую минуту можно было сорваться вниз. Но Крылов был далек от повседневной жизни.

– Алексей – крепкий малый, он выдержит!

Решение было окончательным. Остановились на школе номер двадцать четыре – бывшей мужской гимназии, располагавшейся в одном из переулков у Покровского бульвара. От Кудринской площади до Покровских ворот можно было доехать на трамвае без пересадки.

Алешу сразу же зачислили в четвертый класс, но переход в новую школу пришлось на время отложить из-за болезни – он ухитрился подхватить ветрянку. Предстояло сидение дома, но Алеша не унывал. Он успел пристраститься к чтению и с удовольствием поглощал романы Фенимора Купера, Майн Рида, Луи Буссенара и других мастеров приключенческого жанра.

* * *

Одноклассники встретили новичка равнодушно. Однако отношение к нему изменилось, когда на одном из уроков Алеша, начитавшийся Жюль Верна, удивил класс своими познаниями в области географии, далеко выходящими за рамки школьной программы.

Со своей стороны, Алеша также присматривался к одноклассникам. «Все они здесь какие-то смиренные и приглаженные, – думал он. – По-моему, у них больше ценится не ум и не сила, а положение родителей». Натолкнула Алешу на эту мысль прямоугольная дощечка, прикрепленная слева от входной двери в школу, с надписью: «Школа № 24, БОНО, имени тов. Лебеда».

- Что такое БОНО? – спросил Алеша у матери.
- Бауманский отдел народного образование.
- А кто такой товарищ Лебедь?
- Наверное, какой-нибудь крупный партиец.
- Крупнее Луначарского?
- Не выдумывай глупости!

Вскоре Алеша узнал, что в их классе учится дочь Лебеда Алла. Это была высокая, стройная девочка, выделявшаяся из общей безликой массы четвероклассников своим ухоженным видом и вызывающими манерами. С ее лица не сходила брезгливая улыбка, словно говорящая миру: «Я не такая, как вы!». На перемене Алла всегда находилась в окружении двух-трех девочек, смотревших на нее с подобострастием. Алеша не одобрял подобное поведение. В мастерской отца он видел немало знаменитых людей – политиков, ученых, артистов, но никто не позволял себе ничего подобного. Однажды Алеша услышал на перемене разговор старшеклассников.

- Говорят, Белименко вчера на уроках с изумрудным перстнем на пальце сидел! Белименко, видный, рослый парень, был сыном известного комбрига.
- Еще бы, ему все позволено. Он с самим Васькой Сталиным и Светом Придворовым на Петровских кортах в теннис играет.
- Что за тип Свет Придворов? – поинтересовался кто-то.
- Сын поэта Демьяна Бедного. У него собственный автомобиль имеется.

* * *

Шло время, и Алеша перешел в пятый класс. Он не только освоился в новой школе, но даже приобрел популярность среди одноклассников благодаря природному дару перевоплощения. «Крылов, изобрази математика!» или «Покажи, как географичка откашливается!», – просили ребята на перемене. Алеша на заставлял себя ждать. Его первоначальное представление о благовоспитанности одноклассников оказалось обманчивым. За внешней сдержанностью крылись нешуточные страсти.

Как-то раз перед уроком географии Алеша взял в руки лежавшую на учительском столе указку с красивой узорчатой ручкой. К нему тут же подошел худощавый, бледный мальчик по фамилии Лопаткин и резким тоном заявил:

- Не трогай указку, это я принес ее в класс!
- Алеша начал было возражать, но ребята остановили его:
- Не связывайся с Лопаткиным, у него гемофилия.
- Что это такое?

– Болезнь, когда кровь не свертывается. Мы бы его давно проучили, но боимся, чуть тронешь, а потом кровь не остановить. Вот он и цепляется ко всем подряд. Знает, что ему сдачи не дадут. Особенно доставалось от Лопаткина маленькому мальчику Шарову. И однажды ребята не выдержали.

– Ты трус, Лопаткин, – сказали они. – Знаешь, что Шаров не может тебя ударить, вот и цепляешься к нему.

- Ах, так? – воскликнул Лопаткин. – Передайте Шарову, что я вызываю его на дуэль!

Вызов был принят. Постановили драться до первой крови. На соседний пустырь пошли всем классом.

– Помни, Шаров, сильно бить нельзя, – наставляли его ребята по дороге. – Лопаткина только припугнуть нужно!

Затея окончилась трагически. Ночью у Лопаткина хлынула носом кровь, и к утру он скончался. Учеников вызывали по очереди к директору, но все говорили одно и то же: Шаров

драться не хотел, дуэль предложил сам Лопаткин. Согласились для того, чтобы его проучить. Как только показалась капля крови, дуэль прекратили. В конце концов, неприятную историю решено было замять. Двадцать четвертая школа считалась одной из лучших в районе, и никому не хотелось портить ее показатели.

* * *

На Алешу это событие произвело сильное впечатление. Он впервые близко столкнулся со смертью человека, причем своего сверстника. Видел убитых горем родителей, оторопевшие лица учеников, чувствующих свою вину. На обратном пути с кладбища его догнал одноклассник Володя Павлов.

– Мутное дело, – заметил он.

– Согласен, – кивнул головой Алеша. – Вот увидишь, сейчас ребята будут все валить на Шарова, а на самом деле они его сами подначили.

– По-моему, мы все хороши, – возразил Володя. – Подумай, не нашлось никого, кто отговорил бы Лопаткина от этой дурацкой затеи, а ведь можно было вовремя вмешаться.

– Ты хочешь сказать, что все жаждали крови?

– Пожалуй, да. Не с таким результатом, конечно.

Похожий разговор состоялся в учительской.

– Удивительная жестокость проявляется иногда в этом возрасте у детей, – сетовали педагоги. – Во всем виновато академическое образование – детям не хватает острых ощущений. Говорят, недавно в пятом «Б» ученики организовали какой-то «союз нелегалов» и разбили окна в слесарной мастерской. Они даже не подозревают, чем это могло обернуться для родителей. Никогда о них не думают!

* * *

Между тем, после истории с дуэлью Алеша как раз чаще всего думал о родителях, правда, совсем по другому поводу. Дело было в том, что обстановка в доме Крыловых за последнее время изменилась. Варвара, и прежде раздражавшаяся без видимой причины, стала все чаще впадать в состоянии ярости и однажды набросилась на детей с кулаками. К счастью, рядом оказалась ее сестра Мария, и худшего удалось избежать. Приступы агрессии чередовались у Варвары с порывами раскаяния, сопровождающимися безудержными слезами.

«Совсем, как у бабы Лизы», – с горечью признался себе Алеша. Было ясно, что срочно требуется врачебное вмешательство. Диагноз оказался неутешительным.

– У вашей жены сложное гормональное расстройство, – сказали Крылову специалисты.

Подобные заболевания с трудом поддавались в то время лечению. На практике применяли, как правило, вытяжки из эндокринных желез. Иногда такая мера помогала, но в некоторых случаях, напротив, приводила к плачевным результатам.

Варвару положили в клинику профессора Казакова. Когда она, пробыв там около года, вернулась домой, ее было трудно узнать. Роскошные рыжие волосы потемнели и потускнели, взгляд стал неподвижным. Временами, впрочем, на нее накатывало веселье, и тогда она буквально сотрясалась от смеха. Алеша теперь инстинктивно сторонился матери, а Тема честно признался, что боится ее.

– Вдруг она на меня набросится? – шепнул он как-то брату.

* * *

С некоторых пор в доме Крыловых стал часто появляться с поручениями от своего отца молодой математик Андрей, сын известного собирателя картин Свиридова. Это был высокий, красивый юноша, с густой черной шевелюрой, крупным носом и большими, выразительными глазами. Его отличала забавная манера разговаривать, слегка захлебываясь, и жестикулировать при этом руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.